

УДК 81'25

ПЕРЕВОДЧИК = ЦЕНЗОР? ИДЕОЛОГИЯ КАК МОТИВ АДАПТИВНЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

К.И. Леонтьева

Смоленск

Статья посвящена анализу влияния на процесс и результат перевода идеологического фактора – ключевой составляющей дискурсивной среды. С позиции семиотики дискурса рассматривается проблема осознанной и неосознанной нормализации переводимого произведения в соответствии с нормами ценностно-смысловой сетки культуры ЯП.

Ключевые слова: художественный перевод, семиотика дискурса, идеология, нормализация, адаптация, переводческая «цензура».

Семиотика дискурса (интерпретативная семиотика), на положениях которой основана предлагаемая нами модель (теория, онтология) перевода [3] и разработанная в её рамках категория сингармонизма [4], представляет собой нонэссенциалистскую эпистему и потому исходит из априорной невозможности полной конгруэнтности (гармонии) смысловых предпосылок и последствий (*смысловая девиантность*) дискурсивной реализации одного и того же «тела» текста в рамках разных фаз дискурсивной динамики (креативной, рекреативной, рецептивной), что обусловлено влиянием на процедуры тексто– и смысло(ре)креации и/или – рецепции уникального в качественном и количественном отношении комплекса факторов дискурсивности (*дискурсивная среда*), актуального для каждого субъекта переводной коммуникации. Девиантность можно считать одной из эпистемологических и соответственно онтологических универсалий художественного перевода. В настоящей статье речь пойдёт о влиянии на меру девиантности перевода одного из наиболее значимых факторов – идеологического, поскольку семиотика дискурса, в сущности являясь социосемиотикой, рассматривает языковой знак как знак *«par excellence идеологизированный»* [10: 253].

Идеология – одна из наиболее спорных научных категорий – чаще всего ассоциируется с отношениями власти и доминирования конкретной социальной группы. В таком ключе ведутся исследования, например, в рамках западных постколониальных и феминистических теорий перевода. В более широкой, деполитизированной трактовке идеологию трактуют как систему фундаментальных убеждений, установок, представлений и идей, составляющих нормативную ценностно-смысловую сетку, отражающую социальную реальность конкретной этнокультуры, которая через когнитивные структуры представителей этой культуры опосредуется в их дискурсах (см.: [11: 121]), а через коннотации языковых единиц отражается и в фиксирующих эти дискурсы тек-

стах. Вероятно, именно из подобной социосемиотической трактовки понятия «идеология» исходил и М. Бахтин, определяя художественное произведение как «могущественный конденсатор невысказанных социальных (т.е. идеологических – *К. Л.*) оценок», которыми «насыщено каждое его слово» [1: 258]. Сам художественный текст, фиксирующий дискурс (произведение), в таком случае можно определить как «идеологему» [2: 141], опредмечивающую актуальную для автора ценностно-смысловую сетку. В первую очередь, это касается современной литературы: большинство текстов данного дискурса не просто конденсируют актуальные для конкретной культуры и эпохи идеологические стереотипы и ценности, а построены на их очевидной острабяющей эксплуатации и/или деконструкции.

Итак, любой художественный текст в той или иной степени «насыщен» идеологически (и этнокультурно) маркированными смыслами (этноспецифическое восприятие и содержание концептов, различные социальные оценки, нравственно-этические максимы, религиозные ценности, поведенческие паттерны, мировоззренческие стереотипы и т.д.). Но их актуализация реципиентом текста ЯП и, более того, непосредственно самим переводчиком (а, следовательно, и сама возможность их ретрансляции реципиенту текста ЯП) возможна только при активации сингармоничных социо-культурных кодов, что в процессе межкультурной коммуникации возможно, но имеет место далеко не всегда – в первую очередь, ввиду этнокультурной асимметрии и когнитивного диссонанса. Указанным феноменам межкультурной коммуникации в отечественной теории перевода, безусловно, уделено немало внимания. Но при этом большинство российских переводоведов по-прежнему игнорируют тот факт, что определённое стирание исходных идеологических коннотаций при параллельном приращении новых социальных оценок в процессе перевода имеет место абсолютно *всегда* и при этом далеко не всегда связано с указанной асимметрией и/или диссонансом.

Речь в данном случае идёт о своеобразной «функции цензуры» [5], которую переводчик выполняет как медиатор между двумя социумами и культурами. Будучи представителем прежде всего социокультурной общности ЯП, в рамках и под действием норм которой формируется его дискурсивная компетенция, переводчик неизбежно «демонстрирует определённую пристрастность к "домашней сцене"» [12: 473], придерживаясь (причём не всегда в полной мере осознанно) «нормальных» для неё ценностей, результатом чего становится неизбежное манипулятивное согласование конфликтных (иногда даже чисто гипотетически) «смыслов и языковых форм инокультурного текста с моральными и идеологическими ценностными доминантами данного общества» [5: 61]. В таком случае практически любое переводческое решение и действие – независимо от уровня художественной структуры (лексический,

грамматический, тематический и т.д.), от типа (элиминация или приращение смыслов, лингвокультурная адаптация, добавление и опущение определённых лексических единиц и т.д.) и формата (осознанно или нет) – так или иначе опосредуется действием идеологического «фильтра» [8: 5], и акт перевода уже невозможно рассматривать как ценностно-нейтральную, «прозрачную» практику, из которой можно незаметно изъять фигуру переводчика [9: 16].

В случае работы идеологического «фильтра» в осознанном формате (адаптация прагматического типа – доместификация, аккультурация, ассимиляция и т.п.) манипуляции переводчика с текстом, как правило, направлены на оптимизацию рецептивной фазы перевода и обеспечение успешного встраивания текста в культуру ЯП, а по возможности и в структуру её текстовой решетки. А основным мотивом для использования адаптивных тактик становится установленный переводчиком недостаточный либо вообще нулевой (феномен лакуарности) дискурсивный сингармонизм между креативно-рецептивной средой ИЯ и рецептивной средой ЯП. В свою очередь, неосознанная (в плане смысловых последствий тех или иных переводческих действий для рецептивной фазы перевода и для авторской интенциональной содержательности) «фильтрация» вызвана отсутствием дискурсивного сингармонизма уже непосредственно между креативной (автор) и рекреативной (переводчик) средами. В обоих случаях результатом работы идеологического «фильтра» будет *нормализация* переводимого текста.

Но если первый – осознанный – вариант нормализации отечественные переводоведы в принципе признают допустимым, то второй (неосознанный) вариант работы идеологического «фильтра» трактуется как неудачное переводческое решение, переводческая ошибка, деформация текста и т.п., т.е. в явно негативном ключе. Между тем, если мы берём за исходную аксиому универсалию девиантности, реальность которой более чем репрезентативно подтверждается результатами практической переводческой деятельности, далеко не каждая переводческая модификация, которую сложно объективно связать с феноменом лакуарности, асимметрии, диссонанса и т.п., будет действительно ошибкой: категория дискурсивного сингармонизма (точнее недостаточный либо нулевой сингармонизм, когда имеет место тотальный конфликт образов мира, актуальных для автора и переводчика), позволяет в некоторой мере оправдать подобные модификации, поскольку главным становится вопрос уже не столько о пределах, сколько о причинах и последствиях «видимости» переводчика в тексте. Для демонстрации механизма работы идеологического «фильтра», причём сразу в двух форматах, рассмотрим следующий интереснейший пример из современной переводческой практики – русский перевод стихотворения американского поэта М. Донахи «*Pentecost*», выполненный Н. Пальцевым [6: 324–327].

The neighbors hammered on the walls all night,
Outraged by the noise we made in bed.
Still we kept it up until by first light
We'd said everything that could be said.

Undaunted, we began to mewl and roar
As if desire had stripped itself of words.
Remember when we made those sounds
before?
When we built a tower heavenwards
They were our reward for blasphemy.
And then again, two thousand years ago,
We huddled in a room in Galilee
Speaking languages we didn't know,
While amethyst uraeuses of flame
Hissed above us. We recalled the tower
And the tongues. We knew this was the
same,
But love had turned the curse into a power.

See? It's something that we've always
known:
Though we command the language of de-
sire,
The voice of ecstasy is not our own.
We long to lose ourselves amid the choir
Of the salmon twilight and the mackerel
sky,
The very air we take into our lungs,
And the rhododendron's cry.

And when you lick the sweat along my
thigh,
Dearest, we renew the gift of tongues.

Обеспокоенные шумом изнутри,
Всю ночь соседи молотили в стену,
А мы с тобой общались до зари,
Глухие ко всему, что во Вселенной,

Рыча, мяуча, издавая стоны:
Словарь наш скудный иссушила
страсть.
Такой же крик, такой же дикий го-
мон
Стоял, когда небесная напасть
Обрушилась на зодчих Вавилона,
И позже – пара тысяч лет тому, –
когда,
Сгрудившись в знойной Галилее,
С толпою мы заговорили вдруг
На языках, что нас самих древнее.
То снизошел к нам с неба Дух Свя-
той,
И вспыхнул аметистовой тиарой
Священный огонь над каждой голо-
вой,
Исполненной пророческого дара.
И вот теперь невнятная молва,
Что символом служила Божьей ка-
ры,
Нам обернулась знаком торжества.

Любимая, секрет и впрямь не нов:
Мы знаем, как облечь в слова жела-
нья,
Но пик его за гранью наших слов.
Он – в золотистых сумерек сиянье
И в тучке, серебрящей небосвод,
В диковинных цветов благоуханье
И в воздухе, что жадно ловит рот.

... С моей груди ты слизываешь пот
Земному языку исконной данью.

В заглавие текста вынесено название великого христианского праздника Пятидесятница, знаменующего Сошествие Святого Духа на апостолов, и весь текст соответственно построен на обыгрывании библейской аллюзии из второй главы Деяний Апостолов (Деян. 2: 2–4). Но у Донахи этот сакральный мотив получает совершенно неожиданное

развитие – сквозь призму плотских мирских желаний. Основным художественным средством становится парадокс, проявляющийся в «остраннённом» уподоблении земного (текст ИЯ – прекрасный образец эратопэзии) и сакрального: Донахи сравнивает оргиастические крики любовников с одним из даров Святого Духа, излитых на апостолов в Пятидесятницу – даром языков, глоссолалией. Переводческая трудность заключается в том, что текст ИЯ создавался в рамках протестантской традиции, в вопросе толкования «дара языков» разительно отличной от традиции православной церкви, что препятствует возможности сингармоничного осмысления ключевого концепта («дар языков») представителями культур ИЯ и ЯП. Этим, на наш взгляд, и обусловлен завышенный параметр инновативности текста ЯП относительно текста ИЯ.

Необходимость адаптивного «вмешательства» переводчика очевидна уже с самого заглавия текста. В православии Пятидесятница отмечается в два дня – День Святой Троицы и последующий за Троицей Духов день, а в христианских церквях западной традиции в саму Пятидесятницу отмечают только сошествие Святого Духа на апостолов. Этим, в частности, можно объяснить конкретизацию русского заглавия «Огни Пятидесятницы», напрямую отсылающую реципиента к соответствующей библейской аллюзии. Но в данном случае речь идёт об адаптации осознанного типа, тогда как во всех последующих случаях причиной смысловой девиации стала идеологическая «фильтрация» скорее когнитивного порядка, неосознаваемая (во всяком случае, до конца) самим переводчиком. Наиболее важным представляется следующее радикальное смысловое различие текстов ИЯ и ЯП.

В тексте ИЯ над головами влюблённых шипят аметистовые уреи пламени (*While amethyst uraeuses of flame / Hissed above us*). Урей – священная змея, изображаемая на головных уборах египетских фараонов. В языческом контексте она символизировала мудрость, но в контексте христианства трансформируется в образ Змея-искусителя, проклятого Богом за искушение Евы (Быт. 3: 14). В строках *We recalled the tower / And the tongues. We knew this was the same, / But love had turned the curse into a power* это даёт особый смысловой вектор: физическая близость мужчины и женщины как людей, *a priori* говорящих на разных психологических «языках», основанная исключительно на страсти (одно из значений *flame* – *страсть, сильное желание*), уподобляется Божественному проклятию (*curse*) за столпотворение и этим приравнивается к грехопадению; если же в основе физической близости лежит любовь – высший дар Бога (помним: «Бог есть любовь»), физический экстаз и несвязные оргиастические крики подобны «дару языков», а он, согласно Библии, позволил людям добиться не только взаимопонимания, но и духовного единения с Богом. В последующем строфоиде (*See? It's something that we've always known: / Though we command the language of desire, / The*

voice of ecstasy is not our own) именно эта идея получает неожиданное развитие, нарушающее привычные религиозно-этические нормы (по принципу эстетики противопоставления): способность овладеть техническим «языком желания» атрибутируется человеку, а «голос экстаза» – возможность достижения оргиастического состояния – наделяется уже божественной природой (параллельно актуализируется выражение *глас Божий*). В переводе именно эти строки характеризуются наиболее радикальной девиантностью: ... *вспыхнул аметистовой тиарой / Священный огонь над каждой головой, / Исполненной пророческого дара. // Любимая, секрет и впрямь не нов: / Мы знаем, как облечь в слова желанья, / Но пик его за гранью наших слов.* Парадоксальное смешение эротики и сакральной мистики, на котором основан текст ИЯ, оказывается практически полностью нейтрализованным. И причина видится в различной интерпретации «дара языков» православной и протестантской церковью и в различной ценностной ориентации этих конфессий.

1. Протестантизм *однозначно* трактует природу глоссолалии как божественную. Православные же толкователи усматривают источник «дара языков» не только в Боге, но и в Сатане (см.: [8]). Но Пятидесятница – это в первую очередь День Святой Троицы, и в тексте ЯП природа дара языков однозначно определяется как божественная (*Священный огонь*). Тем самым исключается возможность актуализации сатанинского образа Змея-искусителя.

2. По замечанию отечественных теологов, протестанты *ошибочно* интерпретируют слова апостола Павла «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви (sic!) не имею, то я – медь звенящая» (1 Коринф. 13: 1), наделяя «дар языков» божественной сущностью [там же]. Но без опоры на эту библейскую цитату дискурсивно равноценное осмысление строки *But love had turned the curse into a power* и соответственно ретрансляция работы развивающих её механизмов метафорического остранения невозможны, что, вероятно, также стало одной из причин радикальной смысловой дивииции и инновативности текста ЯП.

3. Западными движениями харизматиков и пятидесятников разработана экстатическая теория, в которой глоссолалия трактуется как «боговдохновенная речь», позволяющая познать божественную истину путем достижения экстатического состояния. На этой религиозной реалии и основан парадокс в тексте ИЯ (уподобление бессвязных оргиастических выкриков «дару языков»). Это также снижает потенциальную возможность наличия (точнее констатации наличия) степени дискурсивного сингармонизма между автором и переводчиком, достаточной для полной актуализации переводчиком логики организации оригинального дискурса (в первую очередь, работы остраняющих механизмов).

Всё это показывает, что недостаточный или вообще нулевой син-

гармонизм рецептивных сред ИЯ и ЯП на уровне факторов идеологического порядка действительно может стать одной из основных причин значительной смысловой трансформации произведения при переводе. При этом подобную трансформацию следует считать умеренной, а не радикально инновативной, поскольку стимулом нормализации здесь, как правило, выступают смыслообразовательные модели целевого кода (ЯП), а именно идеологическая ценностно-смысловая сетка, актуальная для дискурсивной формации культуры ЯП.

Но и в случае сингармоничной работы переводческих и авторских ценностных установок, телеологическая необходимость ретрансляции реципиенту текста ЯП авторской стратегии остранения (в анализируемом случае – парадоксального уподобления мирского сакральному) может стать вопросом личной переводческой этики – ввиду противоречия оригинальной концепции эстетического многим ценностным ориентирам культуры ЯП. Следовательно, степень инновативности и девиантности текста ЯП помимо прочего предопределяется личностным отношением переводчика к необходимости соблюдения принципов и норм перевода, сложившихся в рамках переводческой традиции культуры ЯП, к самой необходимости ретрансляции логики организации оригинального дискурса, к универсалии первичности подлинника по отношению к переводу и т.д. Так, в анализируемом переводе оригинальный парадокс не ретранслирован: в финале акт физической близости становится *земному языку исконной данью*, т.е. окончательно лишается божественной природы (в полном соответствии с православными религиозными догмами), тогда как в тексте ИЯ он, напротив, полностью приравнивается к обновлению божественного «дара языков» (*we renew the gift of tongues*). Но это вторая сторона вопроса проявления идеологии в переводе, которая требует отдельного специального исследования

Список литературы

1. Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Бахтин М.М. Фрейдизм. ФМЛ. МФЯ. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. С. 72–94.
2. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с франц. Г.К. Кошелева и Б.П. Нарумова. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с.
3. Леонтьева К.И. Дискурсивная онтология перевода: к обоснованию статуса // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2012. № 10. Вып. 2. С. 70–85.
4. Леонтьева К.И. Сингармонизм как ключевая категория семиодискурсивной онтологии художественного перевода // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2013. № 24. Вып. 5. С. 205–212.

5. Слышкин Г.Г. Межкультурная компетенция и концепт «перевод» // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2001. С. 60–64.
6. Современная американская поэзия: антология / сост. Э. Линдер. – М.: ОГИ, 2007. 504 с.
7. Трубицына Г. Говорение языками [Электронный ресурс]. URL: www.pravoslavie.ru/sretmon/uchil/glossolalii.htm.
8. Álvarez R. & Vidal M. Translating: A Political Act // Translation, Power, Subversion / R. Álvarez (ed.). Philadelphia: Multilingual Matters, 1996. Pp. 1–9.
9. Hermans T. Paradoxes and Aporias in Translation and Translation Studies // Translation Studies: Perspectives on Emerging Discipline / A. Riccardi (ed.). Cambridge: CUP, 2002. Pp. 10–23.
10. Petrilli S. Translation, Semiotics and Ideology // TTR. 1992. №1. Pp. 233–264.
11. van Dijk T.A. Ideology and Discourse Analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11. № 2. Pp. 115–140.
12. Venuti L. Translation, Community, Utopia // Translation Studies Reader / L. Venuti (ed.). London: Routledge, 2000. Pp. 468–488.

TRANSLATOR = CENSOR? IDEOLOGY AS A MOTIVE FOR ADAPTIVE MANIPULATIONS IN TRANSLATION

K.I. Leontyeva
Smolensk

In the paper the influence of ideological factor being one of the main components of translator's discursive environment on translation process and text transformation is analyzed. Through the prism of interpretative semiotics the author discusses the problem of conscious and unconscious normalization of the source text in compliance with ideological norms and values relevant for the target culture.

Keywords: *literary translation; interpretative semiotics; ideology; normalization; adaptation; translator's «censorshipping».*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Ксения Ивановна – кандидат филологических наук, e-mail: ksenja_leontieva@mail.ru